

ЕЛЕНА РОНИНА

ЗАВТРА
БЫЛИ
мисьяна

КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК
ПРИХОДИТ
В НАШУ ЖИЗНЬ
неслучайно

Елена Ронина
Завтра были письма
Серия «Близкие люди.
Романы Елены Рониной»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68849133
ISBN 978-5-04-181548-6

Аннотация

На страницах этой книги одновременно разворачиваются две истории любви: Славы и Норберта, Риты и Павла. Сорокалетние женщины влюбляются и готовы изменить свою жизнь. Но возможно ли это?

Как всегда в своих романах, Елена Ронина говорит о нравственности, о долге, об ответственности. И, конечно же, о любви. Но каждый понимает любовь по-своему. Это чувство может как возвысить человека, так и разрушить.

Содержание

Пролог	5
Глава	7
Глава	18
Глава	25
Глава	30
Глава	40
Глава	47
Глава	57
Глава	63
Глава	70
Глава	74
Глава	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Елена Ронина

Завтра были письма

Оформление серии Е. Куликовой

Фото автора на обложке Анна Леонтьева

Все события в книге вымышлены

© Ронина Е., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Никогда не возвращайтесь в прошлое. Не
стоит искать сегодня тот миг радости, который
посчастливилось пережить вчера.*

Индийские мудрецы

Пролог

Слава стояла посреди леса на уютной солнечной полянке. Ветер ворошил листья берез, мелко шелестели осины, покачивались стволы кряжистых сосен.

Слава посмотрела вверх. Солнце светило мягко и ласково, не ослепляло, не обжигало. Опять шум осин, как будто кто-то быстро перелистывал плотные страницы книги. Почему деревья шумят так по-разному? Дубы – с тихим гулом, сосны – со скрипом, березы – радостно, как смехом заливаются, а осины всегда тревожно, всегда с нервным шелестом.

Если бы Слава могла, она бы обхватила одно из этих стройных деревьев с небольшими круглыми листочками, прижалась к стволу с серой корой всем телом и постаралась успокоить, остановить эту вековую дрожь.

Удивительно пахло ландышами и грибами. Разве так бывает? Как могли встретиться запахи весны и осени? Может быть, это сон? Да нет же, во сне не бывает запахов, не ощущаются порывы ветра, а здесь – все реально. Почему тогда она – блондинка, и у нее кудрявые волосы, и кто этот мужчина напротив – высокий брюнет с красивым скуластым лицом, в костюме? Пиджак надет поверх синей олимпийки, так давно уже никто не носит. Похожую олимпийку с молнией-змейкой на груди носил еще Славин папа. Синяя олимпийка с белой отделкой по вороту и манжетам.

Мужчина улыбался Славе, как улыбаются очень близкому и родному человеку. Во взгляде столько любви, столько нежности! Слава почувствовала эту нежность так, как будто она была вложена в прикосновение, а не во взгляд.

Вдалеке лаяли собаки, легкий ветерок развеивал Славины кудри, а молодой мужчина все смотрел, смотрел и улыбался. Черные волосы с небольшой проседью зачесаны назад, руки скрещены на груди. Мужчина стоял, широко расставив ноги. Так стоят спортсмены или просто уверенные в себе люди. Подбородок немного приподнят, голова чуть склонена набок, во взгляде читается вопрос. Мужчина как будто спрашивает: «Где ты? Почему тебя так долго нет?» Взгляд немного беспомощный и виноватый.

Глава

1

Так Слава и проснулась: с ощущением счастья и с улыбкой на губах. Приснится же такое! Почему она вдруг стала блондинкой? Слава всегда была рыжей, никогда цвет волос не меняла, хотя мысли такие были, да и парикмахеры советовали. «У вас очень белая кожа, но конопушек никаких, вы вполне можете отойти от рыжей гривы, в вашем случае она смотрится неестественно. Снежная зима».

«Как могут быть неестественными натуральные волосы?» – думала Слава и не шла на поводу у мастеров.

Ну, собаки – ладно, это к друзьям. Сегодня она встречается с Ритой, вот тебе и собаки. Почему они лаяли беспрестанно, тоже ясно: Рита болтает без остановки. Естественно, скучает по русской речи. А вот мужчина, кто это?

Как правило, Слава во сне видела реальных людей, а этот человек был ей абсолютно незнаком. Она видела его впервые. Вот одет он был как папа. Странно. Может, это к тому, что она давно не была у папы на могиле?

И сразу пришло чувство легкого стыда. Ну как же так. Вот вернется из командировки, и надо сразу же сходить. Не откладывая. Слава знала, что это важно и для мамы, и для нее самой. Можно ли напиться энергией на кладбище? Стран-

но, но в ее случае именно так и происходило. Кто-то в церковь ходит, кто-то в баню, кто-то к психологу, а она – к папе на кладбище.

Решено: возвращается, и сразу же на Николо-Архангельское.

Слава посмотрела на часы. Семь тридцать, нужно вставать и идти в ресторан завтракать.

Она еще раз попыталась ухватить какую-нибудь нить сна. Если немедленно не сосредоточиться, все подробности улетучатся, и Слава уже никогда не поймет, зачем ей приснился этот сон. А может, и не нужно понимать? Когда-то она жила по снам. Вычитывала в сонниках их значения, расшифровывала, следовала, как ей казалось, советам, которые услышала ночью... Потом перестала обращать внимание. Только время тратить. Но в этом сне хотелось остаться – его настрой был таким... теплым, что ли.

Она встала с кровати и подошла к большому зеркалу. Да нет, такая же рыжая, с копной непослушных волос и достаточно стройная. Та женщина, из сна, была полноватая. Странно, что во сне человек может видеть себя со стороны.

Слава растрепала волосы, чтобы немного взбодриться, потянулась и пошла в ванную комнату. По дороге нажала на телевизионный пульт, нашла новости. Это всегда только фон и еще возможность видеть время и, собираясь, ориентироваться на него. Семь тридцать пять. И на дворе две тысячи тринадцатый. Или просто тринадцатый? Это цифра никогда

не была для Славы приносящей беду, и все-таки пусть будет красивая дата, полностью.

Когда-то, в далеком детстве, Слава думала, а как это будет в двухтысячном году? Она же станет древней старухой. Тридцать шесть лет, что это за возраст? Она даже представить себя не могла тридцатишестилетней. Почему-то могла сорокалетней, ясное дело – жизнь позади. В пятьдесят – это уже не жизнь, а так, доживание. Все, возвращаемся с ярмарки!

То есть до двадцати еще весело едем на ярмарку. Ну ладно, пусть будет до тридцати. И все весело, потому что впереди нас ждет праздник, полный развлечений, сюрпризов, подарков, ярких красок и смеха. А потом – все! Все с горы. Да, юношеский максимализм. И вот уже рубеж пройден, и можно оглянуться назад и спросить у самой себя: а что такое тридцать шесть лет?

Как выяснилось, тридцать шесть лет – это тот же подросток. И ветер в голове, и тот же юношеский максимализм, и сильно не задумываешься о том, что дальше. Впереди еще вагон времени и четкое ощущение, что до ярмарки еще ехать и ехать! Все самое интересное только ждет!

Сегодня ей сорок шесть, она зрелая молодая женщина. И ярмарка как раз здесь и сейчас. Просто женщиной она станет, наверное, в пятьдесят. Но скорее всего все-таки в пятьдесят шесть или вообще ближе к шестидесяти. Да, шестьдесят лет – возраст абсолютного счастья. Об этом Слава как-

то прочитала в немецком журнале. И уже не удивилась, поверила – так и есть. Возраст, когда женщина лишается сразу всех комплексов, она больше ничего и никого не стесняется, ей все по плечу, у нее есть деньги, чтобы хорошо выглядеть, есть время заниматься собой.

Но тем не менее миллениума она ждала. А что впереди, как оно будет, в другом тысячелетии? Получалось, что люди, перешагнувшие порог, – участники большой истории. Им предстояло жить сразу в двух веках. Не всем такое суждено.

На удивление мало все изменилось. Так же жили, так же бежали на работу, ругались, радовались солнцу, прятались от дождя. Никакой сказки, никакого чуда.

Во всем этом новом тысячелетии Славу раздражало только одно: когда год обзывался одной цифрой. Допустим, «это случилось в первом году, а это – в третьем». Это казалось ей несправедливым по отношению к масштабности события. Ну какой он первый? Разве так можно?! Поэтому она всегда и везде использовала для года четырехзначный формат: это случилось в две тысячи седьмом году.

Да, она во всем была человеком конкретным. Именно это качество и помогло ей несколько лет назад создать и возглавить успешный на сегодняшний день журнал. Романтика в ее натуре тоже присутствовала, но никогда не могла увести в сторону от того, что задумано.

Слава никогда не изменяла себе, на завтрак всегда брала кофе. Чай – это уже потом, в течение дня. И никак зеленых сортов, никакой мяты и бергамота. Только черный. Можно добавить лимон. Но день хорошо начинать с кофе – своеобразного наркотика, заменяющего сигареты и все остальное, вредное и для организма не полезное.

Американо с молоком и без сахара. Кофе обязательно должен быть очень горячим. И такое же горячее молоко. Эта фраза произносилась всегда, и сегодня была сказана официанту с неизменной улыбкой и немного виноватым пожатием плеч. Ну что поделать, я не привередливая, просто день длинный, еще и рабочий. Заряд бодрости получен будет именно здесь, так пусть же и настроение соответствует прекрасной солнечной погоде, установившейся в эти октябрьские дни.

Опять октябрь. Как тогда. Она хотела вернуться в этот отель, ей было интересно еще раз взглянуть на красивую лужайку через огромную стеклянную стену ресторана, еще раз пройтись по прямым тихим коридорам отеля, утопая каблуками в длинном ворсе ковров, и пусть портье улыбаются в этот раз ей, а не ее спутнику из прошлого. Это ОНА заказала номер, ОНА за него платит, ОНА никого не сопровождает.

В прошлый раз Слава испытала шок от этой сумасшедшей роскоши, от респектабельности, в которую нежданно-негаданно окунулась. Как ей казалось, толком она тогда даже ничего и не разглядела: неудобно было вертеть головой по сторонам, поэтому в основном она смотрела под ноги и улыбалась.

А на поверку вышло, что все она прекрасно помнит! Даже швейцар, который вчера открывал перед ней дверь, был тот же самый, и портье, который нес за ней чемодан.

Портье из мальчишки превратился в приятного молодого мужчину, швейцар немного постарел, но ему это шло. А она сама, Слава? Как выглядела она? Сколько лет прошло? Восемь? Она стала лучше, она это точно знала. Между прочим, благодаря этому отелю тоже.

Да, за это время она очень сильно изменилась. Превратилась из принцессы в королеву. Или, скорее, все-таки из служанки? Конечно, из служанки. Славе нравилась эта классификация, недавно вычитанная в каком-то модном журнале. Служанка-Принцесса-Королева. Служанки мечтают о доброй фее, принцессы – о прекрасном принце. Королевы не мечтают, а действуют.

Служанки верят, что чудеса случаются, с принцессами они действительно случаются, а королевы творят их сами.

Служанки слабы, но кажутся сильными, принцессы сильны, но кажутся слабыми. Королевы обходятся без маски. Служанки во всем винят себя, принцессы – других, королевы – делают выводы. Служанки не умеют побеждать. Принцессы не умеют проигрывать. Королевы не соревнуются.

Конечно, в первый раз она вошла в этот отель как та самая служанка. Ей не нужен был никакой принц, а вот чуда хотелось. Неуверенности в себе было море, чувство вины – постоянное, всегда можно найти причину, недовольство собой – тоже. Какая уж там принцесса! А о королеве и говорить не приходилось.

Да, учиться можно начинать и в сорок лет. Тогда ей только-только исполнилось тридцать восемь.

* * *

– Мадам, еще кофе?

– С удовольствием. Выпью глоточек. И молоко.

– Да-да, и обязательно горячее молоко. Я помню. Сделаю для вас с удовольствием. Позвольте, я налью сам. Какой сегодня чудесный день, не правда ли? Висбаден в такую погоду особенно красив. Вы были в нашем музее?

– Нет, но в этот раз обязательно схожу. Вы советуете?

– Вы не будете разочарованы, я вас уверяю. Еще что-нибудь? Может быть, свежую газету? Ну, не буду вам мешать. Хорошего дня.

Сколько Слава бывала в Германии, столько ее удивляли невероятной красоты немецкие разговорные обороты. Особенно это касалось ненавязчивых милых бесед ни о чем с официантами в кафе, с продавцами в магазинах.

«Будьте так добры... Будьте так любезны... Я буду рад заплатить вам... Сейчас настал самый приятный момент, момент оплаты».

Да, момент оплаты у немцев – это всегда весело, всегда с шуткой и улыбкой. Причем чем дороже ресторан (магазин), тем шуток больше и преамбулы изысканней.

Как верно... Мы расстаемся с довольно крупной суммой, так пусть нам будет ее не жалко. Ну, или не так жалко. И пусть у нас будет понимание того, что мы платим за необходимое, за самое лучшее, и никогда не вспомним о деньгах, о том, что много потратили. Мы потратили на дело, для себя, и мы это заслужили.

Совсем недавно в одном интервью у Славы спросили: «А как вы относитесь к деньгам? Они для вас важны?»

Слава не раздумывала над ответом. Ее коробили слова, что деньги – мусор, что они ничего не значат, что быть счастливым можно и без денег.

Значат. Еще как значат! Разве, не имея денег, она пила бы сейчас кофе в лучшем отеле Висбадена, а перед ней с милой улыбкой в достойном поклоне стоял официант? Черта с два!

Другое дело, ей никто эти деньги не дарит, она их честно зарабатывает, работая много и усердно. Именно деньги дали

ей свободу, уважение других людей, приблизили к тому самому архетипу королевы.

У нее практически не бывает выходных, она не умеет смотреть в потолок, лежа на диване. Если уж и легла на диван, то с журналом, прочитать нужную статью, а если смотрит телевизор, то обязательно найдется в передаче та фраза, которую она так давно искала, и обязательно это будет ответ на волнующий вопрос, который поможет решить сегодняшнюю проблему.

Каждый вечер перед сном она прокручивает в голове прошедший день. Лучше сказать, пролетевший. Что сделала, что успела. И каждый раз с удовлетворением ставит себе зачет: много успела. День был плодотворным, насыщенным, можно идти дальше. И обязательно составляет план на завтра, и есть план на неделю, а по поездкам – на год вперед, билеты куплены на ближайшие полгода. На рабочем столе лежит календарь, где маркером отмечены дни, когда она не в Москве, чтобы не случилось накладок. И, как правило, они не случаются.

Ритм взят, и он выдерживается. Кто-то завидует, кто-то удивляется: «Как так можно жить? Когда ты отдыхаешь?»

А вот сейчас, к примеру! Когда она пьет кофе и смотрит сквозь стеклянную стену ресторана на дивный по красоте парк. Самый что ни на есть удивительный и роскошный отдых. Нужно просто уметь зафиксировать момент. Момент счастья.

Висбаден. Чудо из чудес. Респектабельный маленький городок для состоятельных (Слава не любила этого слово), вернее сказать, – состоявшихся людей. Тогда, восемь лет назад, она ничего не знала ни про респектабельность городка, ни про элитарность отеля. Немного поразили огромные часы на ресепшене. «Константин Вашерон». Вроде как марка уж больно известная. Огромные, круглые, ничем не примечательные часы. Вот только марка. Совпадение или тот самый Константин?

Она позволила себе спросить, хотя понимала, что спрашивает слишком часто:

– А что, бывают и настенные?

Ее спутник тогда усмехнулся.

– Бывают. – И снисходительно посмотрел на напуганную молодую женщину. Ему приятно было открывать для нее новый мир.

Да, Слава смотрела на все эти чудеса широко распахнутыми глазами. Надо же, часы, которые стоят тысячи долларов, висят на стене. Это ж какая у них должна быть цена?!

Слава усмехнулась и аккуратно помешала кофе. А может, и вовсе не нужно вспоминать и сопоставлять? А почему, собственно, и нет? Что ж самой себе противоречить? Приехать – приехала, а вспоминать, значит, не будет? Конечно же, она приехала сюда, чтобы вспомнить. Сказать самой себе: я смогла, я пережила ту историю, мне больше не больно, и я сама хозяйка своей судьбы.

Тоже мне, часы он ей демонстрировал. Хотя, хотя... Много было сделано и вопреки, и наперекор, и чтобы доказать. Но не будем злыми. Благодаря тоже. Именно с Висбадена начался для нее тот совершенно новый мир, о котором даже не мечталось, не думалось. Именно с этого города.

Она всегда была реалистичным человеком. Зачем мечтать о личном самолете или подводной лодке? Оно ей надо? А вот о себе как личности мечталось. И все в ее жизни случилось. Она личность, она собой довольна. Но она одна. А может быть, есть и дорога назад? Вот в тот самый мир, где их было двое? Тот ее спутник ведь сегодня свободен. И она тоже.

Глава

2

Красивый зал ресторана устлан коврами, на столах – накрахмаленные скатерти цвета само¹. Сервировка скорее соответствует ужину, нежели завтраку. И официанты в белых смокингах и бабочках. На каждом столе композиция из свежих цветов.

Слава незаметно потянула носом. Все правильно, только что срезанные розы, причем на каждом столе розы только одного тона. Где-то белые, где-то лимонные, где-то пурпурно-красные. Она сама тоже хорошо смотрелась в данном интерьере, и она это знала. Уже вошло в привычку брать с собой в командировки наряд не только для ужина, но и для завтрака. Обычно это легкое шерстяное платье (не забываем про кондиционеры) и туфли без каблука. Все должно соответствовать обстановке, но при этом быть удобным, не нарушать общей атмосферы.

Сегодня она тоже была в платье красивого синего цвета. Благодаря рыжим волосам ей шли практически все цвета. Прямой силуэт, короткий рукав, классическая длина до середины колена. Туфли светлые, их же она потом сможет надеть с джинсами (чемодан тоже не резиновый, нужно, чтобы

¹ От французского *saumon*. Лососевый, розовато-желтый цвет.

все компоновалось между собой). Волосы она забрала в тугой конский хвост. В течение дня она его распустила, а пока пусть будет так.

Слава ненавязчиво, но с интересом рассматривала сидевших в зале за столиками постояльцев отеля. Это тоже было одним из излюбленных занятий и также являлось отдыхом. Допивая первую чашечку кофе, она сразу обратила внимание на красивую пару, неторопливо и с достоинством вошедшую в ресторан отеля. Очень пожилой элегантный мужчина (можно было бы назвать его и стариком) вошел, поддерживаемый под локоть своей женой. Жена была лет на двадцать моложе. То есть ему лет восемьдесят, ей лет шестьдесят.

Оба высокие. Он, правда, согнувшийся с годами, но продолжавший гордо держать голову (для этого приходилось немного вытягивать шею, ну, раз уж спину распрямить невозможно). Она – с осанкой, как у балерины, и с красивым вывертом ноги, практически по третьей позиции. Пожилая дама знала и про ноги, и про выверт, поэтому узенькие брючки в клетку открывали красивые лодыжки.

Вот где королева, подумала про себя Слава. Королева является! Причем с эскортом. Поглядите все: это мой муж, это я, у нас все хорошо, и мы любим весь мир.

Жена помогла мужчине сесть за столик. Официант уже стоял наготове, отодвигая стул и с улыбкой задавая на первый взгляд ничего не значащие вопросы: хорошо ли спали, все ли в порядке с настроением. Легко и непринужденно

подчеркивал, что их номер на втором этаже невероятно удобен. Вид из окна фантастический, и как же хорошо, что в это время он может видеть здесь эту пару, своих любимых и уважаемых гостей! Ведь еще неделя, и начнутся дожди. Ох уж эти дожди в Висбадене! Что нам дожди тропические? Тот, кто о них рассказывает, никогда не бывал в Висбадене. Да, хорошо, что зонты в отеле большие. Естественно, до такси тоже нужно как-то дойти.

Разговор течет и течет. Совершенно ни о чем, но он поднимает настроение. Мы не привыкли к таким разговорам, нам подавай тему. Здесь нет темы. Дождь вот. Это тема?

Вот ведь интересно... Поначалу Славу ужасно раздражала манера немцев говорить ни о чем. А потом она поняла: это искусство. Причем чем выше и достойнее общество, тем витиеватее и длиннее эти разговоры «ни о чем».

Сейчас ей чертовски приятно было попивать кофе и слушать, как изысканно обсуждают эти трое дивный вид из окна и особенности октября в Висбадене. Да-да, даже официант в курсе того, что эта пара занимает люкс на втором этаже. Это отель премиум-класса. За завтраком вас не спросят, в каком номере вы остановились, не будут долго и нудно искать вас в списке постояльцев и ставить галки напротив вашей фамилии.

А могут и не найти, как недавно случилось со Славой в Берлине. Разведут руками и скажут, что у вас номер «без завтрака». Слава в тот раз была со своей коллегой по работе,

причем коллега была приглашена. Заминка вышла неприятной, пришлось подписывать какие-то бумаги, стоять в проходе, изображая бедных родственников. И кофе уже пили без настроения и с некоторым напряжением. Самое интересное, что минут через десять подбежал запыхавшийся менеджер. Их фамилии все же нашли. Менеджер извинился за досадную оплошность. Прямо перед носом у Славы порвал подписанный ею счет за ненужностью, но настроение было подпорчено. И все-таки вот подбежал, порвал, извинился... Это тоже очень по-немецки.

Слава удивлялась сама себе. Где она живет? В России же и вообще все не так! Но она уже выбирает между Германией и Германией. Про Россию что там говорить. Недавно она как раз ждала свою коллегу в очень даже престижном ресторане на Большой Никитской.

Коллега опаздывала, поэтому Слава заказала капучино и листала меню. Мимо бегал официант. Она попросила его принести еще одно меню для коллеги, ну так, опять же по привычке, чтобы поддержать какой-то разговор.

Официант принес еще один капучино. И опять же Славе показалось, что она в Германии. Поблагодарив и извинившись, она отказалась от кофе, заметив, что официант ее просто не понял. Он быстро унес чашечку со словами «никаких проблем». И потом, уже в присутствии коллеги, вдруг сказал, что, к сожалению, кофе будет включен в счет. И так включил его!

У Славы не было другого выбора. Она не хотела портить начало встречи, хотя, если бы была одна, обязательно довела бы эту историю до конца, в крайнем случае пошла бы к администратору. Она так долго ждала эту самую коллегу, что могла и сама тот кофе выпить.

Да... Неприятные воспоминания. В Германии такое в принципе невозможно. А уж применительно к кофе так и вообще странно.

А уж в этом отеле и вообще все по-другому. Вам сразу при входе скажут: «Доброе утро, фрау Карелина, надеюсь, вы хорошо спали, вам повезло с погодой!» И это не мелочи. Это включено в стоимость.

Официант в легком поклоне, подчеркнуто уважительно, продолжал вести беседу с пожилой парой:

– Господину как всегда, черный чай с молоком, а для мадам капучино? Газеты мадам выберет сама?

– Все правильно, все как всегда. Должны же у моей жены оставаться хоть какие-то супружеские обязанности? – Пожилой господин подмигнул официанту.

Все трое дружно рассмеялись, и день начался с позитива.

Слава улыбнулась сама себе и сделала глубокий вдох: хорошо! Все очень хорошо! Ну что, нужно потихонечку вливаться в расписание дня. Выставка на целый день, а вечером встреча с Ритой. Приятельница позвонила вчера, не успела Слава приземлиться в аэропорту Франкфурта.

– Ты на все выставочные дни или нет? Я улетаю на Тене-

риффе послезавтра, так что для встречи остается только вечер вторника. Поняла? Завтра. И чтобы ничего не намечала.

— А если я уже наметила?

— Значит, отменишь. Ты что, не слышишь? Я же послезавтра улетаю на Тенерифе!

Действительно, о чем это она? Маргарита же улетаёт на Тенерифе.

Слава понимала: ничего важного не стряслось, просто давно не виделись, Маргарите хочется вывалить на нее все свои новости и наконец всласть поговорить по-русски. Вот так нужно решать дела! Я могу только сейчас, и баста. И хлоп телефонную трубку. А чего хочет собеседник? А неважно. Подстроится!

И вот ведь, пожалуйста, Слава будет подстраиваться. Более того, она уже перезвонила партнерам и попросила перенести деловые переговоры на среду, во вторник не получается никак.

Маргариту не исправить, и хорошо, что она у нее есть. Сегодня вечером будет масса хохота, масса смешных историй. И, что греха таить, можно будет рассказать о себе то, что знает только Маргарита, а подруга, в свою очередь, не будет ничего выпытывать, не будет зло ухмыляться и злорадствовать. Вот такая шумная и большая жилетка, в которую можно раз в год уткнуться и поплакаться.

– Доброе утро, мадам, – тихо произнес уже другой официант.

Слава подняла глаза, и ее как обожгло током – он тоже ее узнал, потому и подошел. Он, невольный свидетель той давней истории. Она узнала его, он ее тоже. Дал понять, что узнал, что рад ее видеть, но никакого панибратства, никаких расспросов. Просто показал глазами: «Я вам рад», – не более того.

Это даже не относится к статусу отеля, обычная внутренняя культура. Слава кивнула в ответ: «Доброе утро».

Все, больше ни слова. Он никогда не спросит: «Вы одна?» – или еще того больше: «Почему вы одна?». Хотя, конечно же, он помнит ее спутника, ведь именно он обслуживал их столик в тот вечер.

Глава

3

Восемь лет назад

Слава понятия не имела, что ей следовало надеть к ужину и как она должна выглядеть. Просто? Нарядно? Официально? Вкус у нее был, в этом она не сомневалась, но вот точно соответствовать моменту – это уже несколько сложнее. А когда в дело вмешиваются национальные традиции, то и вообще может случиться казус.

Слава посоветовала самой себе побольше уверенности и выбрала простой и, как ей казалось, достаточно элегантный наряд. Строгая черная юбка определенно ей шла: у нее хорошая фигура, красивые ноги. В юбке главное – длина, и каждая женщина должна точно знать свою. Для кого-то это четыре сантиметра выше колена, а у Славы – ниже колена. И ноги кажутся еще длиннее, а лодыжки еще тоньше. Маленький свитерок леопардовой расцветки Слава считала и ярким, и нарядным. Это уже потом она стала аккуратнее с леопардовыми принтами, а в то время такие тонкости стиля были ей неведомы.

Она прилетела во Франкфурт с небольшой дорожной сум-

кой. Джинсы, пара футболок – с коротким и длинным рукавом, вот эта нарядная леопардовая водолазка и шикарные туфли. Черные, лакированные, на огромных золотых каблукках. Именно они были самой яркой и дорогой частью ее туалета в тот вечер.

Слава еще раз придирчиво осмотрела себя в большом старинном, покрытом патиной зеркале. Если начистоту, то юбка была самая обычная, но очень хорошо на ней сидела. Кофточка тоже была куплена в универмаге напротив исключительно из-за яркой расцветки. Ни к каким брендам отношения не имела, но Славу освежала. Вот туфли – итальянские, дорогие и стильные – стоили Славе целого состояния, и сегодня она похвалила себя за то, что все же решилась их купить! И бросить в сумку в последний момент. А ведь сомневалась! И жалко было. Что хорошую вещь по командировкам трепать?

Но сегодня это было то, что нужно. Ни больше ни меньше. Немного блеска для губ и чуть-чуть духов. Как говорила Шанель? «Духи – это тоже одежда». Главное, чтобы эта одежда идеально соответствовала твоему имиджу, статусу и не раздражала окружающих. Вроде все соблюдено.

«Неплохо», – вынесла Слава окончательный вердикт.

Господин Норберт Майер уже ждал ее на ресепшене, прохаживаясь взад-вперед.

Она отметила, что одет он был достаточно спортивно. Темные брюки, пиджак в мелкую клеточку, светло-голубая

рубашка и яркий галстук. Тогда она еще не знала таких названий, как «Миссони». Про «Бриони» слышала, но исключительно из-за огромной любви к Джеймсу Бонду.

Да, тогда наряд Майера ее не особо впечатлил. Более того, она с облегчением выдохнула: все в порядке, она идеально соответствует своему спутнику, и как хорошо, что не взяла с собой никаких вечерних платьев. Подумалось: он в спортивном, она в спортивном. Может, даже не стоило тащить с собой парадные туфли, еще сломается каблук, не дай бог, в багаже! Вторую пару таких же ей точно не осилить. Ради одного-то сегодняшнего ужина с этим непонятным немецким господином. Ну да ладно, уже привезла. И практически украсила собой клетчатый неброский силуэт немецкого партнера по бизнесу.

В ресторане играла тихая музыка, на столах горели свечи в красивых канделябрах. Пол тогда еще не был застелен коврами, и Слава неестественно громко простучала каблуками по гладкой поверхности идеального паркета. Ей показалось, что ее спутник немного скривился от издаваемого ею шума, и она постаралась идти потише, для чего приподнялась на цыпочки.

Их подвели к красиво накрытому столу, и официант, вот как раз тот, который сейчас ей улыбался, бесшумно отодвинул за ее спиной стул.

– Прошу, мадемуазель.

Да, восемь лет назад она была абсолютным ребенком. Ее

тридцать восемь были только в паспорте, больше двадцати пяти никто и никогда не давал.

— Извините, столик, который вам так понравился, уже зарезервирован, мне очень жаль. Но поверьте, этот ничуть не хуже. Отсюда открывается панорама нашего сада. Скоро зажгутся огни, и вы увидите, насколько это красиво. Желаю вам хорошего вечера.

В это время к соседнему столику, который, как поняла Слава, безуспешно пытался зарезервировать Майер, подошла пара. Мужчина и женщина средних лет показались Славе жителями другой планеты. Даже двигались они бесшумно, как будто ступали по воздуху, а не по начищенному паркету. Он — в темном костюме и молочного цвета рубашке, вроде бы ничего особенного, но смотрелся ансамбль невероятно элегантно. Садясь за стол, мужчина небрежно расстегивал пуговицу на пиджаке, слегка приподнимал рукава у пиджака и показывал запонки.

Изысканная простота. Запонки, цвет рубашки, костюм черного цвета. Да, кавалер. А вот она... Слава впервые увидела то самое маленькое черное платье таким, каким оно должно быть. Женщина была лет пятидесяти, хорошо сложенная, достаточно высокая, с очень светлой кожей. Черные туфли без каблучков, платье без рукавов, вырез лодочкой и двойная нить жемчуга. Больше никаких украшений. Волосы убраны в безупречный хвост. Ничего лишнего, ничего вычурного.

Прежде чем усесться окончательно, пара повернула головы к их столику и непринужденно поздоровалась. Дальше весь вечер мужчина и женщина не отрывали глаз друг от друга.

– Вот что значит настоящая элегантность! – констатировал Майер.

Слава слегка напряглась и тут же почувствовала всю неуместность своего наряда. Но, в конце концов, она же в командировке! И она – иностранка! Сама себя Слава пыталась успокоить так: ее не предупреждали, что будет выход в свет, и ее кофточка ей идет, освежает! И что хорошего в этой бледной кикиморе с тонкими немолодыми руками и практически без косметики?!

Слава напряженно улыбнулась Майеру. Да нет, он прав. Все в даме хорошо, потому что есть стиль, есть уверенность в себе и есть цена этого наряда.

Это потом уже Майер научил ее немецкому слову *klamoten*, то есть шмотки, и научил отличать *klamoten* от вещей. Но уже тогда, в ресторане, Слава впервые увидела огромную разницу между ними. Тогда она никак не применила этот новый опыт: чувствовала себя чуждой этому миру, и скоро она вернется в свой мир, где ее леопардик вполне уместен.

Но разницу почувствовала.

Глава

4

Маргарита неслась ей навстречу.

– Про работу ни слова! Я же не говорю про работу!

Слава расхохоталась и кинулась обнимать подругу.

– Посмотри на себя, ты опять похудела. Сколько можно так пахать, дурында молодая? Куда ты едешь в этом году отдыхать? Ты знаешь, так повезло! Едем с Эдиком на Тенерифе. Практически даром. Такая акция в ТУИ. Вы тоже можете ездить через ТУИ.

– Рита, ну что ты говоришь, какая туя в Москве?! И вообще, что это такое?!

– Ой, темнота, это фирма туристическая такая. Ой, Слава, как вы только живете – пещерный век!

Слава слушала Риту и расслаблялась. Рассказы лились нескончаемым потоком, к этому она уже привыкла. Маргарита обладала совершенно превосходным и уникальным даром говорить за двоих: сама спросила, сама ответила. И это абсолютно не напрягало, даже наоборот. День был сложным. Во-первых, разница во времени, во-вторых, вчерашний перелет: в голове еще немного шумит.

Слава приезжала на книжную ярмарку уже третий год подряд. Она обожала атмосферу выставки. Десятки тысяч

издателей, книготорговцев, литературных агентов, библиотечарей и, конечно, писателей съезжаются в октябре во Франкфурт. Эту выставку иногда называют «матерью всех книжных ярмарок». Что-то в этом есть, нужно приехать сюда хотя бы один раз, чтобы поверить этому.

Новейшая история выставки началась в 1949 году, и с тех пор Buchmesse, или книжная ярмарка, проходит в центре Германии ежегодно, став крупнейшим книжным форумом планеты. Есть подобная весенняя выставка в Лейпциге, но это уже не то. И дело даже не в размахе, а в атмосфере.

* * *

Рукописями во Франкфурте-на-Майне торговали еще в Средние века, а великий Гутенберг, который изобрел в пятнадцатом веке книгопечатание, ездил из родного Майнца именно во Франкфурт продавать свои первые книги. Позже сюда стали съезжаться издатели и книготорговцы со всей Европы. На время ярмарки в Кельне снаряжали даже особый корабль, который доставлял во Франкфурт гостей. В прошлом году выставка проходила под эгидой года Китая. Две тысячи десятый год – год Аргентины.

Слава была издателем достаточно популярного глянцевого журнала о путешествиях. Впрочем, она не любила слово «глянцевый», хотя, естественно, в ее журнале присутствовали и рецепты, и разговоры о моде. И все же основным бы-

ли серьезные статьи о странах и континентах, советы врачей и психологов, странички юристов и бизнесменов. Да много всего. И, конечно же, много места в каждом издании было отдано под рекламу. Тут уж никуда не деться. Именно реклама, согласно известному постулату, двигала журнал вперед. Но нужно находить грань. Ту тонкую черту между объемом рекламы и статьями, благодаря которой читатели должны эту рекламу увидеть, обязательно ею воспользоваться, но все это должно быть как бы между строк. Не стать главным. Главное все же – это интересные темы статей и их живой стиль.

Книжные выставки-ярмарки Слава старалась не пропускать, считала их важными. Можно завязать новые знакомства, назначить встречи с потенциальными партнерами. Ну, и подышать воздухом книжного бизнеса. Что у нас в моде сегодня?

Но выставка – это всегда и огромная нагрузка. Шутка ли, обойти все десять павильонов, а это без малого сто семьдесят две тысячи квадратных метров! При этом, как правило, экспозиции расположены на нескольких этажах. У Славы на этот случай всегда имелись запасные туфли в огромной сумке-бауле. Ну и посмотреть саму выставку тоже нужно: пробежать через новые стенды, набраться идей, что-то почерпнуть, что-то, наоборот, вычеркнуть, взять материалы в Москву.

Раньше Слава еще и набирала целую кипу рекламной продукции. Сейчас ничего этого уже не нужно, все можно най-

ти в интернете, нужны только адреса сайтов. Стало легче? Наверное. Но! Постоянные споры, что такое интернет – благо или вред. Вот сейчас, на этой самой выставке, она скажет – вред. Раньше она вечером, перед сном в гостинице, беглым взглядом просматривала найденное на стендах, сортировала, что более интересно, что менее. Утром после завтрака уже более осмысленно просматривала отсортированную пачку рекламных проспектов и шла на выставку с идеями и вопросами, а не просто поглазеть, авось что в голову придет. Сегодня ходила вот именно так, не было особой системы. И многое нужно было держать в голове. Вот сейчас – голова совершенно забита, нужно не забыть главного и сделать хотя бы короткие записи.

А с другой стороны, что-то не отложится, и ладно. Первый день – он всегда спланированный. И намеченные загодя переговоры, и принятые сегодня решения, – все было предсказуемым. Следующие два дня, как правило, вытекали из первого. И обязательно нужно было оставить время на непредвиденное. Никогда еще Слава Карелина не уезжала из Франкфурта без свежих идей для новых рубрик своего журнала.

Встречи, разговоры, форумы и круглые столы... Какие-то разговоры совсем незначительные, ни о чем, лишь засвидетельствовать свое почтение, какие-то – очень важные, к каким-то она готовилась специально. Нужно решать проблемы, вести переговоры на перспективу.

Слава заметила: в этом году намного сильнее, чем раньше, представлена электронная книга. С традиционной, бумажной, она не конкурирует, а образует выигрышный для обеих сторон симбиоз, именно так выразился в своем интервью директор Франкфуртской международной книжной ярмарки Юрген Боос.

«Как сближаются, поддерживая друг друга, книгоиздательство и кино, так уже начали сближаться с книгой новые технологии», – подчеркнул Боос.

Значит, пора готовиться и к журналам в планшетах. Проблема? Еще какая! Но все равно двигаемся только вперед! И для этого тоже нужно обязательно, отменив все дела, каждый год ездить на ярмарку во Франкфурте.

* * *

Рита трещала без умолку, выпаливала свои новости без конца и по внешнему виду Славы безошибочно, как ей казалось, угадывала, как у московской подруги идут дела.

– Вот ты совсем не отдыхаешь, по тебе видно. И чего ты все время летаешь? Ты знаешь, как это вредно? Там же кислорода нету. – Рита подняла ладони. – Кожа же сохнет. Ты видишь, какая у меня кожа? Да ты не на лицо смотри, на руки! Видишь? Как у младенца! Специально на косметические процедуры хожу. Германия – это тебе не Россия. Возраст женщины определяется по рукам! Если руки ни к черту,

все остальное можно даже не показывать.

Да, подумала про себя Слава, и об этом ей говорит пышка Маргарита? Женщина, возраст которой с первого взгляда определить довольно-таки сложно. А Маргарита секрет свой и не раскрывала. Зачем? Сами гадайте, если уж вам так невмоготу узнать, сколько ей лет. У женщины возраста нет (это особенно если после пятидесяти). Есть состояние души. Этого вполне достаточно, лишь бы душа присутствовала.

Маргарита только последние лет пять начала рассказывать правду про свой возраст, до этого тщательно его скрывала. Вслух беспощадно срезала себе целую десятку, вечно прокалываясь на рассказах об общих знакомых. «Да мы с ней в одной группе в институте учились!», «Да она ж вся в подтяжках, ты знаешь, на сколько лет она меня старше!». И так далее.

Слава никогда не рассказывала Маргарите, что догадывается о ее возрасте. Зачем? Давняя подруга действительно выглядела просто прекрасно: моложавая, улыбающаяся, подвижная. Рита периодически набирала вес, причем набирала серьезно. Но поправлялась она вся, всем телом, тут же меняла гардероб, начинала носить шарфы и длинные бусы и никому и в голову не могло прийти, что в нашей Рите с некоторых пор плюс семь! Да Дюймовочкой она никогда и не была, так что лишние килограммы мешали только ей самой. С весом Рита боролась всегда, но, значит, не забывая и про ладошки. А вдруг и на них кто обратит внимание?

Слава вполуха слушала Риту, та уже перешла к обсуждению соседей.

– Нет, ну какие паразиты! Наш Максик топает?! Ты видела, чтобы коты топали? Он же не ежик. Я теперь на балконе молчу. Выхожу и молчу. Вслушиваются, ты понимаешь. И разносят информацию по всему дому.

– А ты что, на балконе по-немецки говоришь?

– Обалдела? Откуда? По-немецки я говорю исключительно в магазине и в банке. На родном балконе только по-нашему. Но эти заразы как-то научились переводить. Ой, Славка, но я все ж таки уже девятнадцать лет на этом балконе разговариваю. Видишь, какие они въедливые! – Рита наконец выдохнула: – Ну ладно, я все про себя да про себя. Про тебя не спрашиваю. Сейчас сядем в ресторанчике, такой тут уютный нашла, прелесть, тебе понравится, винтажный, и ты расскажешь все подробно. А пока я тебе еще про Глеба расскажу. Ну такой паразит оказался...

Да, Глеб всегда шел после Максика. Это было очень важно – рассказать про Глеба. Глеб долгое время был начальником, на которого Рита работала. Сначала оба были довольны друг другом, Рита практически считала Глеба сыном, он Риту – тетей. Ясное дело, земляки! Маргарита до переезда в Германию жила в пригороде Петербурга. Глеб доверял Рите все свои деньги, так как из родного Петербурга не выезжал и руководил бизнесом издалека. Рита как могла управляла компанией. Может, что и не могла, но работала честно.

Слава в каждый свой приезд во Франкфурт выслушивала очередные подробности из жизни несчастного мальчика. Да, умный, красивый, толковый, но никак не встретит свою судьбу. Ясное дело, этим проходимкам нужны только его деньги. А у него душа! Вот поэтому сороковник, а все один. А как прекрасно он относится к Рите! Да-да, все так. И Слава тоже, ни разу в жизни не увидев этого удивительного Глеба, относилась к нему практически как к родному.

А потом Глеб женился на Свете и вывез ее на ПМЖ. Рита как в воду глядела, не удалось все-таки уберечь хорошего мальчика от молодой пираньи. Света тут же разобралась, что в Петербурге ей не очень интересно, и приняла решение прорываться на Запад! При этом пообещав Глебу поставить его бизнес во Франкфурте на новые, более современные рельсы. За границей Свете явно не нужна была тетя Рита, которая не только давала советы, но еще и присматривала. А к чему присмотр молодой двадцатилетней девице? Можно что и совсем ненужное заодно увидеть и с мужем информацией поделиться.

Света сама хотела управлять фирмой, ей не нужны были советы и действия Риты по старинке. Конечно же, разбитная девица могла бы поговорить с Ритой по-человечески, по-людски, объяснить, что, мол, сама попытаюсь, уступи, тетя, дорогу. Но, как выражалась Маргарита, «молодой стерве» это было не нужно, ей хотелось показать Глебу свою значимость. А как ее лучше показать, как не на отрицатель-

ном примере? Проводя параллели. Вот тебе старая кошелка Маргарита, которая за десять лет, прожитых в Германии, не научилась говорить без ошибок, а вот – молодая разбитная Света! Говорит, правда, Светка тоже не очень, но грудь колесом, знает, что такое «гешефт», и умеет строить глазки в банке.

Как ни странно, немецким банкирам Светкины глазки тоже оказались интересны. Рита не сразу заметила происки молодой бабы, не думала, что той захочется работать. Зачем? Ей же и так все дали! Это Рите дать было некому! А ей-то зачем? От скуки?

Риту вышибли из ранга тети в два счета. Глеб перестал с ней общаться, что для Маргариты было самым страшным. Она все ждала, что вот он придет, он все поймет, он опять будет с ней говорить за жизнь, а она, в свою очередь, давать ему нехитрые житейские советы.

За предыдущий год Глеб не пришел ни разу.

– Нет, ты можешь себе представить, встретила его в «Алди». Идет мимо, в каких-то шлепках. Он бы еще в трусах пришел. Кивнул мне: «Привет», и дальше понесся с тележкой. Тележка, полная пива. И это с его-то почками. Слава, люди до чего же странные. Ты же помнишь, что у нас с ним было?

– Да ничего у тебя с ним не было, – удалось вставить Славе.

Последние годы Слава про Глеба слушать не любила. По-

скольку она и Глеба-то никогда не видела, а Светку тем более, и все про их жизнь знала только со слов Риты, сложно было вот так вот за глаза сначала полюбить, а потом резко разлюбить. Ей понятна была и точка зрения другой стороны. Она все понимала про Светку, которой нужно было окончательно привязать к себе Глеба, а как это сделаешь без наглядного примера? Для этого у Светки просто не было ни времени, ни мозгов. А Глебу что, разорваться? А может, он просто влюбился? Как это говорится про ночную кукушку и дневную? Да и им столько всего обсудить с Ритой нужно, стоит ли тратить время на Глеба? Он уже все равно в прошлом времени. Вон, даже не остановился в магазине.

– Да? Ну это-то ты, конечно, права! Это ж никто не спорит, – легко согласилась Рита. – Ну как тебе кафе? Класс?

Глава

5

Кафе действительно заслуживало внимания. Милая французская провинция, перенесенная в центр Франкфурта. Стены покрашены в светлые тона, деревянные светлые столешницы, столики впритык. Действительно, все как во Франции. Тесно, шумновато, не очень-то удобно, но при этом уютно. Какие-то разномастные стулья. За столиком, где уселись Рита и Слава, с трудом найдя свободный уголок, Рита заняла красивое кресло, а Славе был предложен металлический стул с яркой диванной подушкой. Одно слово – эклектика. На затейливых полках (а их было много на стенах) восседали старые куклы, некоторые с облупленными носами, лежали грудями книги. И было видно: их брали почитать. Это все было не просто декорацией! А вот древняя швейная машина, кофемолка... Такое впечатление, что хозяева не раз прошлись по блошиным рынкам. Но как-то все было сделано со вкусом. Присутствовало чувство цвета, чувство меры. Всего было не слишком. В разумных пределах. В кафе царила атмосфера улыбки.

– Ну? – вопросительно посмотрела на подругу Рита.

– Потрясно! Значит, в этом безумном городе есть уютные уголки?

– Естественно, для тех, кто здесь живет!

Рита частенько ставила Славе на вид: де, зря она так не любит Франкфурт. Да, большой, шумный, на первый взгляд – город без своего лица. Но если ты долго в нем находишься, а тем более живешь, то обязательно находишь для себя свой город, который делается только твоим. Начинаешь по кирпичикам возводить свою историю, и для тебя город меняется. Ведь не секрет, что, приехав в самый известный и роскошный уголок мира, мы сначала смотрим на него глазами путеводителя или экскурсовода, далее – своего спутника. И только потом уже формируем свое мнение. А для Славы Франкфурт – это всегда выставка, огромные павильоны, до которых она добиралась на местном метро. Чему уж тут нравиться?

– И публика какая приятная... – Слава оглядывалась по сторонам.

– И публика у нас есть приятная. Вы же куда идете? Пиво пить и рульку есть? А я привела тебя туда, где общается деловая молодежь после работы. Приличная, заметь, молодежь.

Да, действительно, молодежь за столиками была одета не совсем типично для немцев. Вернее, для немецкой молодежи. Костюмы, рубашки, пуловеры, узенькие пиджачки. Девушки в туфлях на высоких каблуках и в стильных дорогих очках, под столами стояли дорогие сумки и портфели.

Как часто можно встретить немца в очках? Значительно

чаще, чем русского у нас, в России. Недавно Слава заказывала себе очки в Германии. Понравилась оправа в витрине, решила зайти, узнать, сколько стоит и что нужно сделать для того, чтобы получить готовые стекла уже в оправе. Оказалось, что и зрение можно тут же проверить, и очки получить на следующий день. Правда, оправа из витрины оказалась безумно дорогой, но милая девушка тут же подобрала ничем не хуже и в два раза дешевле, а по акции, с наклеенными кружочками, и вообще можно было взять оправу бесплатно. Другое дело линзы – линзы стоили приличных денег, но опять же оптик-консультант доходчиво объяснила, зачем они нужны, почему тонкие стекла лучше толстых. И зачем нужно антирефлексное покрытие.

– И вообще я не понимаю, почему вы все приходите ко мне с заниженными показателями? У вас уже давно минус два, а в вашем рецепте – минус один. Причем у всех русских все одно и то же!

– Наверное, чтобы мы напрягали свои глаза, чтобы глаз работал! – бодро так тогда ответила Слава за всех русских.

– А зачем еще глазу нужно работать? Почему не дать ему отдых? Совершенно неправильная позиция. В Германии по-другому! – продолжала возмущаться продавщица.

Да, в Германии по-другому, оттого и столько очкариков в Германии. Но проверяла девушка Славу самым тщательным образом: фотографировала в 3D-изображении, примеряла очки. Подгоняла их к лицу и даже провела тест: что она

больше любит, поливать цветы или читать книги. И это все, чтобы заказать банальные очки для чтения.

В Германии другой подход к жизни, к качеству жизни – живем не напрягаясь. И вот сейчас перед Славой сидела немецкая молодежь, которая совершенно была довольна своей жизнью. Эти ребята выбрали учебу и карьеру, сами выбрали, никто их не принуждал. А могли бы пойти в официанты, и родители ими так же гордились бы и знакомым рассказывали: мол, сын моет тарелки. Тщательно и с радостью. И друзья бы согласно кивали: главное, что с радостью.

* * *

– Ну как ты?

И в этом была вся Маргарита. Сначала трещала без умолку, а теперь вот готова терпеливо слушать. Кивать, задавать наводящие вопросы. Как редко сегодня кто-то умеет внимательно слушать! Так, чтобы захотелось рассказать, так, что есть уверенность: тому, кто спрашивает, небезразлично.

Они виделись редко, раз в год, а иногда и раз в два года, но Рита всегда была в курсе всех перипетий Славиной жизни. Как зовут племянника, что думает ее муж, даже имена сотрудников по службе знала. Она помнила про Славины проблемы в мелочах, запоминала даты и места. Раз Слава рассказала, значит, важно, значит, обязательно поинтересуется: а как сейчас? Редкое качество для современного человека.

И это не мелочи. Хочется рассказывать тому, кому действительно интересно.

И Слава, сама того не замечая, рассказывала. Откровенно, с подробностями, так, как никому и никогда. Рита слушала, удивляла своими вопросами в точку:

- Погоди, он же развелся?
- Женился опять!
- Ясно.
- А диагноз у Симы сняли?
- Слава богу.

Ну и про себя Слава не утаивала, говорила как есть. Иногда даже слишком жестко. Рита была в курсе всех ее историй. И той, главной, которая началась восемь лет назад как раз здесь, недалеко от Франкфурта.

* * *

– Стало быть, все хорошо, – констатировала Рита, и Слава с легкостью улыбнулась.

– Да, – выдохнула она, – это так. Все позади, и я этому очень рада.

– Но та история была дана тебе неспроста, ты это понимаешь?

– Может быть, может быть. – Слава постаралась уйти от ответа. Она не хотела сознаваться в очевидном. Тот жизненный опыт только ее, и она ни с кем не хочет его обсуждать,

даже с Ритой, хотя та и оказалась свидетельницей. Саму себя обвинять можно, но когда другие указывают тебе на ошибки, не очень-то это приятно.

– Он помог тебе бросить этого своего Саввочку. И у тебя теперь есть Мишка! И Аркашка!

– Мишка – это да! Этот разбойник еще всем нам покажет!

– Ты бы не продвинулась так далеко вперед, не занялась бы литературой всерьез. А так смогла найти себя. А сегодня ты еще и шеф-редактор такого крутого издания.

– Ты права, я часто об этом думаю. – Слава посерьезнела. – И делю свою жизнь на «до» и «после». Честно, мне даже в этот город приезжать непросто. Я ведь впервые за восемь лет остановилась в этом отеле. Решила окончательно поставить точку.

Рита удивленно вскинула брови.

– Да нет, точка, естественно, давно уже стоит. И все равно, осталась какая-то обида, и где-то – потеря определенных жизненных возможностей. – Слава увидела удивленно поднятые брови Риты. – Ну не смотри на меня так. Все мы живые люди. И кажется: а что, если... Хотела прислушаться к себе. Что говорит то, мое, безотчетное.

– Ну, нашла у кого спрашивать. Ты это, подруга, брось. Мало ли что там тебе нашепчут. Кто ты там говоришь? Какое такое «безотчетное»?

Слава обернулась к официанту, который уже несколько раз подходил к ним и с пониманием поворачивал назад:

– Да-да, сейчас закажем. Мне, пожалуйста, цезарь с курицей и бокал рислинга. Рит, тебе? Ага, тогда то же самое. Два раза!

– Не нагнетай, Рит, я все сделала правильно. И эта точка теперь стоит, и она жирная, черного цвета. Вот.

Сказано вслух. Так ли это? Никогда ни в чем нельзя быть уверенным до конца.

Глава

6

Восемь лет назад

Слава ждала багаж, и ее слегка знобило. И чего это она повелась на эту авантюру? Зачем ей это все нужно? Едет в другую страну на свидание с мужчиной. Конечно же, можно говорить, что это командировка и она должна посещать компании-производители, расписан каждый день, немецкий коллега является директором компании и их партнером, стало быть, у них одни цели и задачи, предполагается в дальнейшем укрупнять совместный бизнес...

Вроде все так.

Слава еще раз глубоко вздохнула. Так, да не совсем. Зачем врать самой себе?

Ей давно нравился этот немолодой и очень приятный немец. Господин Норберт Майер. Один из поставщиков.

* * *

Официальные отношения есть официальные. Каждая встреча повторяет другую, в соответствии с протоколом. Ко-

гда Слава приезжала на очередной завод, сначала ее вели по производственным цехам. Надевала специальные очки, бахилы – и вперед. Каждый раз удивлялась стерильным корпусам, белым халатам, современным станкам с ЧПУ-управлением. Рабочий стоит рядом, вводит программу и через стекло смотрит, как идет нарезка очередной детали. Потом экскурсия по заводу: здесь сборка, здесь прием качества, потом упаковка, и на склад.

Вторая часть переговоров – уже в демонстрационных залах, где можно протестировать готовый аппарат, потом собственно переговоры, как правило, с небольшой обеденной паузой. И вечером – совместный ужин, чаще всего с владельцем предприятия (положено по статусу), иногда – с первым замом или главным инженером. Здесь важно было сохранять баланс. Разговоры, естественно, крутились вокруг рабочих тем: Славе нужно было еще и еще раз вернуться к формированию цены и получению дополнительных скидок, и к самому больному – срокам поставок. Важно не давить и найти компромисс. Поэтому обсуждались эти самые сложные и очень тонкие темы между природой, погодой и обязательным ежегодным отпуском. Отпуск – это для немца святое. Он должен быть полноценным и таким, чтобы не стыдно потом рассказать. То есть как только переговоры зависали на неприятных моментах, тут же надо было вернуть:

– А куда в этом году? Вы же в прошлом году ездили в Испанию? Понравилось?

– О да! – Всегда приятно, когда помнятся вот такие мелочи.

– Вашей младшей ведь уже пятнадцать. Сложный возраст! Сама была в это время, по рассказам родителей, невыносимой.

И опять в ответ:

– О да!

После такого проявления внимания и небольшого перерыва в деловых переговорах вырвать обратно к теме бизнеса гораздо легче, причем с хорошим и положительным результатом.

Важно не запутаться в именах и фамилиях жен и детей, помнить, кому сколько лет. Фирмачи, кстати, тоже никогда не путались, таковы условия бизнеса. И потом. Слава всегда искала в рабочих отношениях толику человечности. Иначе можно с тоски умереть, если думать только о металлоконструкциях, которые они продают. А вот если представить за этим бизнесом продавца – поставщика с его привычками, манерами, интересами и семьей, – то сразу становилось гораздо интереснее.

* * *

Норберт Майер сразу показался немного другим. Он был очень откровенным. Сразу же, с первой их встречи. Так про себя иностранцы не рассказывают. Она не привыкла. Толь-

ко общие фразы. А ведь мы так не умеем! Нам надо сразу все растрезвонить, причем с такими подробностями, о которых и слушать-то неловко. А мы все равно расскажем. Нам кажется, так мы быстрее расположим к себе человека. И зачем? Мы же не в Москве на кухне!

У иностранцев вместо интимных подробностей – приятная улыбка, очень быстрый и обязательно пространственный ответ. Вот только если вспомнить, а о чем говорили? Да не о чем, в общем-то.

Поведение Майера отличалось кардинально. Он не был похож ни на одного немца, которого она когда-либо встречала.

Сначала все шло как всегда, по протоколу: надевали очки и бахилы, ходили по цехам, потом в демонстрационных помещениях разглядывали образцы. А вот ужин был необычным. Сам выбор ресторана уже подкупил Славу какой-то трогательной и, казалось, индивидуальной заботой о ней. Обычно ресторан выбирался либо ближайший, либо центральный. А здесь был выбран такой, где вкусно.

– Супчик? Вы должны обязательно попробовать суп. Вы сколько уже дней в командировке? А здесь домашняя еда. Особенно повару удаются супы.

Господин Майер ее тогда очень расположил простыми рассказами из детства. Про нехитрый немецкий быт, про пироги, которые пекла мама. Про рыбалку, на которую бегал с удочкой. Вроде бы ничего особенного, но как-то уж больно

искренне. Эмоционально.

После того ее визита между ними завязалась переписка. Естественно, деловая. С ее стороны заказ, с его – коммерческое предложение, потом ее ответ с количеством и вопросом по срокам поставок, от него – счет. И всякий раз у каждого из корреспондентов делалась небольшая приписка:

«Дождь льет как из ведра третьи сутки. В такие дни я читаю Ремарка».

«Ласточки сегодня летают очень низко. Значит, завтра будет ветрено».

Такой легкий, ничего не значащий флирт. Но в какой-то момент Слава поняла, что уже ждет этих приписок. Просто счет ее никак не устраивал. Время шло, приписки становились все длиннее и уже рассказывали о мелких и ничего не значащих событиях жизни, а не только природы.

«Вчера допоздна сидела на работе, делала ежегодный отчет, а потом никак не могла уснуть. Устала».

«Опять еду в командировку. Всего на два дня, но... за две тысячи километров».

По всему выходило, что Слава вступила в какие-то отношения, которые развиваются, причем достаточно быстро. А ведь она была замужем. Вот только о таком ли замужестве она мечтала?

На тот момент она запуталась в своих семейных отношениях окончательно. Брак с Саввочкой стремительно летел под откос. Слава гнала страшные мысли, но они неотступно следовали за ней: она не любит своего мужа. И любила ли когда-нибудь вообще?

Да, с замужеством Слава ошиблась. Сначала все шло хорошо и ничто не предвещало каких-либо неприятностей. Можно даже сказать, девушка была практически счастлива. Савва был интеллигентом до мозга костей: ни тебе скандалов, ни выяснения отношений. Вместе ходили по выставкам, читали одни и те же книжки. То, что Саввочка к себе все время прислушивался и чуть что ложился на диван то с градусником, то с грелкой, Слава воспринимала как его милые маленькие недостатки. У них же нет пока детей. Савва сам такой большой и чудесный ребенок.

Когда начались эти постоянные созвоны с его милой маман и бесконечное обсуждение ее, Славы? Может быть, они и не прекращались, но велись поначалу не в присутствии молодой жены. И полугодом не прошло после замужества, как Саввочка безо всякого стеснения начал вещать по телефону, с укором поглядывая в сторону жены, что язва все-таки обострилась. Понятное дело, от такой-то пищи. А чего еще она хотела?

Слава разводила руками, расстраивалась, пыталась готовить как-то по-новому, пока не поняла: дело не в ее готовке и даже не в ней. Эти двое не могли жить друг без друга. И третий в этом их семейном сложившемся дуэте был лишним.

Что Савва имел в виду, говоря про свою язву? Вот что он имел в виду? Получалось, что Слава отравить его, что ли, хотела? В телефонных разговорах пара даже не переходила на иносказания:

– О чем ты говоришь? Котлеты? Какие котлеты? Котлеты можно есть только из твоей сковородки.

– Да зачем нам покупать сковородку? Что она туда будет складывать?

– Рыба была вчера, или мне так показалось.

Славе было обидно. Сначала она пыталась бороться, потом поняла, что это диагноз. Сама себя успокаивала: не она первая, не она последняя. Это где бывают те хорошие све-крови? Нигде! Примеры кругом сплошь отрицательные.

Саввочка поначалу говорил шепотом, через какое-то время разговоры стали громче. Слава удивленно ставила руки в боки, Саввочка разводил руками:

– Ну она же меня тоже любит!

– А я?

Саввочка вздыхал и утром записывался на очередные анализы. У Славы начали развиваться комплексы. Она плохая жена? Нужно постоянно стоять у плиты и парить эти дурацкие котлеты? И потом, ей казалось, что муж все придумыва-

ет, или фобии у него такие. Повернут человек на своем здоровье. Так ему с детства внушалось. Ах ты маленький, ах ты бедненький.

Закончились совместные походы в театры. У Саввы не было никакого желания культурно развлекаться, только одно глухое раздражение на жену. Над Славой постоянно работали – формировали устойчивый комплекс вины.

Ну сколько можно все это терпеть?! В Славе начало закипать глухое раздражение. Она, между прочим, работала! И, между прочим, на хорошей должности и с достойной зарплатой. И не имела права брать больничный. Ну и что, что простыла, кашель замучил, спина не разгибается. Разве можно всю дорогу жаловаться?

Через несколько лет совместного проживания, с бесконечными взаимными упреками, Слава настойчиво стала задавать себе вопрос: зачем они живут вместе? Она его любит? Вот этого? Вечно ноющего? С телефонной трубкой в руке? Однозначно нет! Вышла замуж за мальчика из хорошей еврейской семьи. Она же не знала, что еврейская семья в лице его мамы прилипла к нему намертво. Если бы Слава только могла предположить, что замуж она выходит за двух человек, она бы сто раз подумала.

Но Татьяне Львовне она почему-то приглянулась сразу; видимо, ее сбила с толку рыжая копна волос, и ей показалось, что и у Славы есть еврейские корни.

– Как это чудно: Слава-Савва. Практически Руслан и Люд-

мила! Ребятки созданы друг для друга.

Савва тоже тяготился этой женитьбой, ему вечно было неудобно перед мамой. Слава не так сказала, опять фыркнула, а главное, ухаживала за Саввочкой совершенно не по-матерински. Если бы еще их связывали дети...

Детей общих не было. Сначала Слава по этому поводу расстраивалась, потом поняла: так оно даже лучше. Как там говорят мудрые индейцы: «Нельзя ехать на мертвой лошади»?

И вот совершенно другой персонаж появился вдруг в ее жизни. Да чего уж там вдруг! Она, видимо, его искала, ждала его. Можно сказать, нагадала, наворожила. Или она не ведьма рыжая? Приняла правила игры, причем с удовольствием. Ждала новых заказов, лихорадочно выискивала маленькие приписочки, ничего вроде бы не значащие, просто знак внимания. Но оба понимали, что все не просто так, и шли навстречу чувству.

* * *

Да, именно так. А потом случилась та поездка. Он предложил ей вместе съездить на завод во Франкфурте. Если честно, то все было совсем по-другому. Это Слава предложила. Прямо так и написала, что в такие вот даты собирается лететь во Франкфурт. Может, у него тоже в это время есть в этом городе дела? Написала и с замиранием сердца ждала ответа.

Ответ пришел очень быстро. К ее крайнему удивлению, господин Майер прямо ответил, что дел у него никаких во Франкфурте нет и ехать туда он именно в это время никак не планировал.

У Славы аж испарина на лбу выступила. Вот ведь старый черт! Ужас. Позор. И чего она выступила с инициативой? Что это ей привиделось? И вот ее славно припечатали. Будет ей наука. Да-да, размечталась.

А потом он позвонил буквально через полчаса, сказал, что созвонился с заводом и его там ждут. Да, в тех же самых числах.

Слава сидела слегка оглушенная и никак не могла взять в толк, что случилось? Как ко всему этому относиться? Звонок, конечно, немного исправил её настроение, но летела она во Франкфурт, не зная, что ее ждет впереди.

Глава

7

Молодежь в кафе громко разговаривала, периодически раздавались взрывы смеха. Интересно, о чем? Наверняка не обсуждают директора, и это не рабочие дразги.

Слава прислушалась. Все правильно: последний боевик с Даниэлом Крейгом, молодежное телешоу, которое идет по вторникам, открытие нового фитнес-клуба.

Немцы умеют говорить про позитивное. Как там говорил Потугин в романе Тургенева «Дым»: «Сойдется, например, десять англичан, они тотчас заговорят о подводном телеграфе, о налоге на бумагу, то есть о чем-нибудь положительном, определенном; сойдется десять немцев – и единство Германии явится на сцену; десять французов сойдется, беседа неизбежно коснется клубнички, как они там ни виляй; а сойдется десять русских, мгновенно возникнет вопрос о будущем России. Ну, и конечно, тут же, кстати, достанется и гнилому Западу. Бьет он нас на всех пунктах, этот Запад, – а гнил!»

В 1862 году написал сии строки господин Тургенев. И может, изменились те разговоры, но ненамного. И действительно, наши разговоры, среди русских – они всегда о глобальном. Всегда о возвышенном и немного о грустном. У немцев

же просто весело. А среди молодежи – особенно.

Видно было, что молодые люди приходят сюда частенько, многие из посетителей знают друг друга, а уж официанты знакомы со всеми поголовно. Даже Рите молодой человек в длинном черном фартуке и в черной рубашке кивнул по-свойски и помахал рукой:

– Hallo!

Рита помахала ему в ответ.

– Вот. – Рита достала из своего огромного баула мешок с какими-то бумагами. – Вот. Доверить могу только тебе!

– Что это? – Они уже поели, допивали кофе, Слава почувствовала, что Маргарита мнетя, что-то хочет сказать и никак не решается. И вот те на – сверток бумаг.

– Это письма. Моя переписка.

– С кем? С Эдиком?

– Да с каким Эдиком? Это еще там было, письма из прошлой жизни. – Рита помолчала. – Да. Вот представляешь, я же могла вывезти всего двадцать кило! Каждый шарфик был на счету, а я письма везла. Вот так вот.

– Ритка, у тебя был роман?

– Еще какой! Чуть все не бросила. Да, собственно, из этих писем все понятно. Понимаешь, Слава, я всегда знала, что должна эти письма кому-то отдать. Столько лет ждала, а сегодня ночью меня вдруг осенило. Это же ты, Славка! Я тебе должна их отдать. Можешь с ними делать что угодно, можешь роман написать, там все правда. Все по-честному. А

еще все эти годы я немного жалела, что тогда моментом не воспользовалась, не бросила все к чертовой матери, не ушла к нему. Мы с ним в доме отдыха познакомились, в Кисловодске. У него семья, у меня. И так нас друг к другу потянуло, наваждение какое-то. Потом переписывались. Письма, письма, каждый день. Бегала на почту, он писал до востребования, читала, сидя где-нибудь в парке на скамеечке, на ижорском бережку. По телефону разговаривали, прятались от домашних. А потом он приехал. Без звонка. Просто приехал, чтобы увезти меня навсегда. Но я не решилась. Мой Павел. Паша. Вот так-то, подруга.

Рита взяла полиэтиленовый пакет с письмами и решительно запихнула их в Славину сумку. С глаз долой, как будто боялась, что передумает.

– Славка, мы еще с тобой встретимся?

– Даже не знаю, у меня все расписано.

– Как всегда! У тебя всегда все расписано. Не женщина, а органайзер. Ну ладно, ладно, не обижайся. Главное, на молодости твоей это не отражается. И на фигуре.

– Да прямо, и поправилась, и волос седых полно.

– Ну, немного огонь с тебя сбить и не мешает. Небось никто не верит, что этот радикально рыжий цвет натуральный.

– Есть такое дело. А я говорю, что я шатенка! И крашусь! Сама знаешь, как к рыжим в народе относятся.

– Особенно в немецком. Тут бы тебя моментом на костре сожгли. Рыжая, да еще и с зелеными глазами.

– С серыми!

– Но с зеленоватым оттенком. Ладно, подруга, я побежала. Нужно еще что-нибудь в чемодан покидать, прикинуть, чего не хватает, из каких шорт я с прошлого года повывастила. Что-то докупить.

Рита сняла с вешалки светлую куртку какого-то невероятно занимательного фасона, помогла достать Славин плащ.

– Рит, как ты умеешь подбирать себе вещи!

– Хотела сказать, как я ловко полноту скрываю?

Слава расхохоталась:

– Ну и это тоже! Но только ты так долго здесь живешь, а в чопорную немку не превратилась. На тебе всегда что-то веселенькое. Или цвет, или бижутерия, или вот воротник у этой куртки и застежка на боку. Стильная ты!

– Это да! Люблю я творческий подход к делу. Чтобы не было скучно!

Она легонько хлопнула Славу по носу. Действительно, на той сегодня был обычный серый брючный костюм и белая рубашка.

– Учтем, поняла!

Все это время рядом стоял официант и приветливо им улыбался:

– Ждем вас снова.

– Обязательно.

И женщины двинулись к выходу.

До Висбадена Слава добиралась на электричке. Можно было и такси заказать, но самый час пик, пробки ужасные, и кому это нужно? В Германии удобное железнодорожное сообщение. Все четко по расписанию, всех делов-то полчаса. Толком даже задуматься не успеешь, а уже на месте.

Тем не менее Слава сняла плащ и расстегнула пиджак: все-таки за целый день устаешь от официального наряда. Рубашка, брючный костюм. Понятно, что сидит как влитой, и очень удобный, но все равно, она с удовольствием уже меняла бы офисный наряд на уютную домашнюю одежду. А уж обувь... Переобувайся не переобувайся, а все равно к концу дня ноги гудят. Хорошо, что сейчас напротив нее никто не сидел, можно было свободно вытянуть ноги.

Слава уселась поудобнее и сразу же вытащила Ритин пакет из аккуратной сумки-портфеля. Стопка одинаковых пожелтевших листов, текст, отпечатанный на машинке с двух сторон. Где-то обычный, а где-то в виде стихотворных строк, на каких-то листах ручкой нарисованы смешные человечки. Несколько открыток, с десятков телеграмм. Ну надо же...

Вдруг из середины стопки выпала фотография. Слава вздрогнула от неожиданности. На нее, улыбаясь, смотрел мужчина из сна. Высокий, черноволосый, в олимпийке и пиджаке. Так вот кого она видела. Ну конечно же, она видела

этого самого Пашу. И совсем даже это была не она, Слава, а Рита. Рита же блондинка! Вот и поверишь тут снам.

Слава разгладила верхний листок и начала читать.

Глава

8

«...В Кисловодске на тропе бродит много бездомных собак. Их стаи собираются по утрам и тоскливо смотрят на проходящих...

Малейший жест внимания со стороны любого прохожего вызывает у шавки собачью радость. Она со сдержанным удивлением бросается к человеку, кружит у его ног, забегает немного вперед, немного отстает и, горделиво осознавая свое превосходство над отставшими собаками, сопровождает своего избранника всю прогулку. Собака узнает своего хозяина и в следующие дни. На следующих прогулках она остается верна своему избраннику на всем пути, как бы далека и утомительна ни была прогулка.

Но наступает время отъезда с курорта. И однажды утром не встречает собака своего спутника. И вновь тускнеют собачьи глаза, и вновь она становится обыкновенной дворняжкой с опущенным хвостом и опавшими ушами, и вновь она пополняет стаю бездомных и бесхозных, пока не попадет на отлов живодерам...

Но я хоть и пес – но человекопес, человекособака! Меня не поймают живодеры, а радость встречи осталась навсегда. Так хочется побыть с вами, дотронуться до вас жадны-

ми руками, бездумно слушать музыку ваших слов, смотреть, смотреть и чувствовать, что не насмотреться. А может быть, главное – это включиться в вас, в ваши мысли, в ваши думы и заботы. Вновь переживать с вами все-все. Вновь удивляться тому, что как-то сразу и незаметно стал вашим продолжением, отражением ваших мыслей, ваших тревог и забот».

Романтик, мечтатель, поэт или фантазер. Когда это было? Двадцать лет назад?..

Целый рассказ. Неспешное описание природы. Так сейчас уже не пишут. Да и тогда, наверное, редко кто писал. Славе, во всяком случае, никто. Нет, бывало, что писали письма. И длинные. Майер, например. Только они всегда были про что-то конкретное. Но вот так, чтобы просто про собак...

Слава вытащила из пачки другое письмо.

«...А пока я продолжу рассказ о женщине, которую я встретил, о женщине, сидящей напротив. Мало-помалу стало выясняться, что она прекрасный, умный собеседник по всем «мужским» и «женским» вопросам – будь то проблемы мировой политики или моды, или французской косметики.

Я, конечно, в модах не мастак, но уж и не такой профан, чтобы не оценить по достоинству изысканность вкуса дамы, сидящей напротив. С удивлением стал замечать за собой рождающуюся постоянную и неуклонную потребность в ее присутствии. Почему-то я сразу почувствовал себя с ней

легко, свободно.

Я нес всякую ахинею, что-то рассказывал, что-то комментировал и вдруг осознал, что она меня охотно слушает. Уже не мне тебе рассказывать, как завязываются подобные знакомства. Но я не знаю. Как не знает и восточная мудрость, утверждающая, что не виден и неведом след орла в небе и неведом путь мужчины к женщине. Но я прошел этот путь навстречу ей, и она прошла свою часть пути ко мне. Она прошла гордо, с достоинством, красиво и с уверенностью в своем праве на этот путь, в своем праве встречать на полпути того, кто идет к ней по ее зову...»

Неужели это все про Риту? Слава покачала головой. А ведь она ее, получается, совсем не знает. Так, а вот и стихи:

К столу подходишь павою
На паре каблучков,
Украшенная парою
Внимательных зрачков.

Бровей роскошных пара —
Изгиб на лбу твоём,
И губы — жар пожара,
Им хорошо вдвоем.

Их дружное соседство
Тебе судьбой дано,

Так почему же сердце
Одно, совсем одно?

Вот если бы ему
Стать парой моему!

Слава переворачивала пожелтевшие, ставшие твердыми листы, и перед ней рисовалась картина того самого знакомства, случившегося много лет назад в санатории на Северном Кавказе.

* * *

– Павел Терентьевич, если вы не возражаете. – Мужчина привстал, чем рассмешил Риту.

– А чему я должна возразить? Тому, что вас зовут Павел Терентьевич, или тому, что мы с вами сидим за одним столиком? – Она прямо смотрела на мужчину, весело улыбаясь.

Павел растерялся: действительно, к чему это он сказал «не возражаете»?

– Не обращайтесь внимания, скорее всего я имел в виду, что представился по имени-отчеству. Вы молоденькая.

– Ха! Мне почти сорок, сын – подросток.

– Первый раз вижу женщину, которая вот так, с порога, выкладывает сразу всю информацию о себе, причем начиная с возраста.

– Ой, надо же, действительно. Причем заметьте, возраст я себе добавила! Вообще-то нет еще тридцати девяти.

– Ну а имя-то у вас имеется?

– Точно! Имеется. Причем красивое! Угадаете?

Павел задумался.

– Вера?

– Почему Вера? Вашу жену зовут Вера? – Рита прищурилась, чем заставила его закашляться.

– Жену зовут Елена, – глухо произнес он.

– Ну вот. Все точки над «и» расставлены. Вы женаты, я замужем, в Кисловодск мы приехали лечиться. Ах да! А зовут меня Маргарита. Красиво? Вот так-то. И я опаздываю на ванны!

Рита уже на ходу допила чай, развернулась на своих каблучках и быстрым шагом вышла из столовой.

И имя красивое, и сама красивая.

* * *

«Так и хочется рассказать тебе по этому поводу одну псевдовосточную псевдолегенду. Итак... Пришла пора эль-Рашиду обзаводиться семьей. Дал ему отец на оплату калыма триста динариев. Но за такую сумму, выяснил скоро эль-Рашид, можно было купить только собаку, а ему, естественно, нужна была невеста. Огорчился эль-Рашид и побрел по стране и ее окрестностям в поисках невесты. Но и на стороне не

встречал он дешевых невест.

Долго ли, коротко ли бродил он по белу свету, пока не повстречал девушку, за которую отец запросил всего триста динариев. Как оказалось, была она с дефектом: все тело ее покрывали болячки. Струпья мешали ей даже ходить. Не было лучшего выбора у эль-Рашида и остановил он свой выбор на Зулейке. Обрадовалась она предстоящему замужеству, благодарностью и огоньком любви заблестели ее глаза. И – свершилось чудо. Сошли с нее болячки, и стало ее тело прекрасным и нежным, как и сердце, дарящее любовь своему эль-Рашиду. Зажили они, радуясь друг другу.

Но вот подошла не только другая страница моего письма, но и другая часть их жизни. Тяжко заболел эль-Рашид – ослеп по велению Аллаха. Исчез из его очей свет мира, и проникли в его сердце печаль и несправедливость. И не захотел он быть слабым и больным перед любимой женой! И прогнал он плачущую и жалеющую его. И ушла она в слезах. Но не сломилось ее сильное и гордое сердце. Под видом куртизанки проникла она в дом эль-Рашида и оставалась в его объятьях и ласкала его, как прежде. И стала она торговать своим прекрасным телом, и скопила денег для оплаты врача, и исцелил тот эль-Рашида. И вновь увидел он свою жену, и ниспослал им Аллах вновь счастье земное.

К чему все это? А вот к чему. За счастье, которое посылает Аллах, необходимо бороться, бороться и опять бороться. Что и делали герои этой притчи. А что сделали мы? Как нам

победить пространство и время? Годы и расстояния?

А может, воспользоваться советом древней частушки?

Если хочешь развестись,
То иди на станцию,
Сдай жену свою в багаж,
Потеряй квитанцию!

Не потеряешь ли ты квитанцию от меня? И не бросишь ли этот тяжеловесный и никчемный багаж».

Глава

9

Раньше Слава думала, что если гостиница пятизвездочная, то в ванной краны должны быть золотыми. Ну, или ковры на полу персидскими. Это потом уже она поняла, что звезды – они за другое присуждаются. За соседство. В отеле должны отдыхать люди твоего достатка. Недемократично? Пожалуй. Но что греха таить: разные бывают люди, разного достатка и разного поведения. Вот взять молодежь. Им же танцы до упада подавай, и лучше, чтобы до утра. Шум, гам, дым коромыслом. Зачем им персидские ковры? И денег у них нет столько. Да если им эти ковры и постелить, они их и не заметят. А есть другая категория отдыхающих: вроде уже и не молодежь, но все равно пиво по вечерам уважают. И чтоб дискотеки до утра.

Опять старая песня. И она про деньги. Хорошо быть богатым или нет?

Слава не считала себя человеком богатым, но многое могла себе позволить, жила достаточно свободно, так скажем. Ее мнение на этот счет было однозначным: ответственность это большая и напряжение постоянное. Да, зарабатывает человек много, так он и работает постоянно. Вот и нужен ему такой отель, чтобы соседи тихие были, чтоб работать не ме-

шали. А отдыхать будем, это уж как сосед за завтраком, если доживем до его возраста.

Гостиничный номер ничем особенным не отличался, даже ковра на полу не было, обычный паркет. Разве что вензеля на постельном белье говорили о статусе отеля. Ну, и еще матрас. Это да, тут не придерешься. И тишина, и никакого обслуживающего персонала на горизонте. Когда они только номера убирают? Загадка...

* * *

Телефонный звонок раздался часа в два ночи. Слава вздрогнула от неожиданности, но уснуть она еще не успела. Листала пожелтевшие листки, все пыталась представить себе этого Павла Терентьевича. Это же надо, самый настоящий курортный роман, а мужчина – из разряда донкихотов. Таких сегодня, наверное, уже не сыскать. Но какова Рита!

Слава быстро подняла трубку: еще, не дай бог, звонок разбудит соседей. На другом конце провода прозвенел яркий Ритин голос:

– Это я! Ты же все равно не спишь.

Вот, значит, как. Значит, волнуется и места себе не находит. Никогда Рита не стала бы звонить в два часа ночи, даже по делу, даже по какой-то необходимости. Значит, сердце не на месте, значит, не дает покоя ей вот эта самая переписка. Или уже пожалела, что отдала Славе свои письма. Ее родная,

любимая Рита. Но та переписка, она про какую-то другую Риту!

– Ты права, не сплю, только закрыла твой пакет, – со вздохом ответила Слава.

– Ну?

– А почему на машинке-то напечатано?

– Вот в этом весь он. Педант, перфекционист.

– Заметила. И про жену в каждом письме. Как он от нее под столом прячется. И машинка печатная у него там?

– Славка, в корень зришь. Мне это тоже всегда странным казалось.

– А ты к нему когда-нибудь ездила? Или только он к тебе? – Славе ужасно хотелось спать, но она понимала: подруге важно ее мнение. Вот прямо сейчас, хотя бы беглый взгляд на ту ее непростую ситуацию.

– Нет, я, понятное дело, никогда. Знаю только, что жил он в Минске. Собственно, почему жил? И сейчас, наверное, живет. Он меня, правда, старше был на двенадцать лет. Мне тогда было тридцать восемь лет, да почти тридцать девять.

– Ну да, возраст такой... специальный. – Слава, естественно, сразу стала проводить параллели. И у нее роман случился в тридцать восемь. И Майер ее тоже старше на двенадцать лет. – Ничего себе совпадения.

Рита сначала не поняла.

– Ах ты про себя? Действительно, ну надо же... Ну да, именно так. То есть сейчас ему за семьдесят. Преподавал в

Минском университете зарубежную литературу. Двое детей. Внук тогда только родился. Назвали в честь него Павликом. Вот, собственно, и вся информация. Да я и не вникала толком, и не лезла в душу со своими вопросами.

Слава посмотрела на часы – ей, между прочим, рано вставать.

– Так, может, он про профессора придумал все? Вон у меня дядя, когда едет в санаторий, тоже всем рассказывает, что он профессор. Слушай, у меня же в Минске живет мамина подруга. Точно! Она как раз преподавала в университете. Так я все узнаю. Рит, ты чего замолчала?

– Как-то мне, Славка, не по себе стало. А вдруг я действительно все это придумала? И Пашу этого, и весь наш роман. Вот дура-то была бы, если бы семью бросила.

– Ну, во-первых, не бросила, значит, уже не дура. Но я так понимаю, что тебе нужно поставить точку в этой истории. Я же только просмотрела несколько писем! Хочу их прочитать основательно. В Минск позвоню. Все, Рит, мне спать надо.

– Ой, Славка, прости. Ну тут такое дело, сама понимаешь. В общем, узнавай. Павел Терентьевич Моргунов.

Слава, засыпая, думала, что все рифмуется в ее жизни. Она приехала ставить точку в этот отель. А здесь Рита со своими точками. Ну что ж, иногда учимся и на чужих ошибках. Но она оставит эти письма до Москвы. Или хотя бы до самолета. Если, конечно, получится... А здесь все же у нее работа и ее собственная история.

Глава 10

Восемь лет назад

Почему отношения с фирмачом Майером показались Славе совершенно другими? Не такими, как с их общими коллегами, директорами дружественных компаний? Он по-другому выглядел? Вел себя? Поднимал иные темы?

Наверное, всего понемногу.

Это случилось после странного и незабываемого ужина в Мюнхене, когда он ни с того ни с сего вдруг начал рассказывать о себе. И даже не это было главным, не этим он ее так зацепил. Сначала Слава совершенно обалдела, наблюдая за тем, как он помогает ей заказывать блюда. Обычно ей выдавалось меню, и через несколько минут иностранный партнер по бизнесу уже выжидательно смотрел на нее. Это тоже из разряда: не лезем в чужое пространство. Слава, как правило, ограничивалась салатом и какой-нибудь горячей закуской. Обязательно заказывала воду и бокал белого вина. Уж если она в Германии, то рислинга выпить обязана.

Были еще немцы-жмоты, которые, не стесняясь, навязывали самые дешевые блюда. Никогда Слава не забудет обед

в небольшом городке рядом с Килем.

Совсем небедный фирмач прямо-таки уговаривал ее взять комплексный обед, рассказывая, что вкуснее он ничего в жизни не пробовал. Да не вопрос! Дорого не всегда значит хорошо, но Слава смело доверилась выбору северного хозяина.

Такой откровенной гадости она не ела давно. Фирмачу тоже стало стыдно, все-таки это был первый контакт, и речь шла о хорошем, взаимовыгодном и долгосрочном проекте. Слава давилась пересоленной рыбой и удивлялась: ведь она же и сама за себя может заплатить и за этого дядю тоже. А теперь что? Еще работать полдня, и ужин неизвестно когда. И жажда замучает...

С Норбертом Майером все сразу пошло по-другому.

– Аперитив?

– Я с удовольствием выпью немного рислинга... – начала свою заученную песню Слава.

– Это мы с вами обязательно выпьем, я вам обещаю. – Майер помедлил. – К десерту. Но нам нужно выбрать еще вино для горячего блюда. Это мы сделаем с вами через пять минут, а сейчас я предлагаю выпить сухой шерри. Как вы на это смотрите? Вам нравится сухой шерри?

– А я его никогда не пила, – честно призналась Слава. Она слегка удивилась разгону немецкого коллеги. Больше привыкла к предложениям господина Клауса, с которым много сотрудничала в последнее время. Клаус был не из разряда

жмотов, скорее из разряда рачительных немцев. Он каждый раз выбирал одно, возможно, не самое дешевое блюдо из меню и говорил:

– Это необыкновенно вкусно. Рекомендовать, конечно же, не стану, это на мой вкус!

И Слава, естественно, следовала совету.

Вот это по-немецки. А здесь что? А может, этот Майер алкаш? Напьется сейчас и что Славе с ним делать? Да вроде не похоже.

Официант уже стоял перед ними.

– Нам, пожалуйста, два шерри. И винную карту принесите, пожалуйста. Каре ягненка в меню сегодня есть? С розмарином? Так вот, фрау Карелина, если мы останавливаемся на ягненке, то предлагаю заказать примитиво. Не пробовали? Хм. Или вы предпочитаете испанские красные вина?

– Наверное, все-таки французские, – осторожно начала Слава, боясь сказать что-нибудь не очень умное.

– Если вы о бордо, то для сегодняшнего ужина это банально. Даже если бы вы сейчас предложили мне испанскую риоху, я бы задумался, но только не бордо! – И господин Майер строго посмотрел на нее поверх очков. – Сегодня мы выпьем с вами бутылку примитиво, это прекрасное итальянское красное вино. Две тысячи пятый год. Да, это важно. Это был прекрасный год для винограда. Много солнца, несколько настоящих дождливых дней. То, что нужно, поэтому и результат соответствующий. Оно такое насыщенное... Ну, вы

скоро сами во всем убедитесь...

Если уж начистоту, то рабочий день выдался длинным и трудным, Слава была голодная как волк и готова была бы съесть и целого ягненка. И его каре и от супчика не отказалась бы. Ну что ж, почему бы не попробовать? Выпивки этот эстет, правда, заказывает много, но ничего, не свалимся.

Но Майер не дал ей возможности ни захмелеть, ни свалиться. Еда, вино, аперитивы и диджестивы служили только красивым обрамлением яркой и интересной беседы. Майер рассказывал о себе. Проникновенно, где-то даже всплакнул, а где-то до слез рассмешил Славу. Он не расспрашивал о ней, и Славу это не удивляло: тонкий интеллигентный человек, не лезет в душу, молодец. Но как откровенен в том, что касается его! Черта, совершенно не характерная для немцев. Слава задавала вопросы: про семью, про родителей, про детство. Потом перешли к работе. Все про аппараты обсудили уже днем, а вот отношения между сотрудниками – нет. Как у них, в Германии? Знают ли сотрудники, кто сколько получает?

– Нет, а зачем? – искренне удивился Майер.

– Чтоб завидовать, – рассмеялась Слава. – Да нет, простите, я знаю: немцы не завистливый народ.

– О! Еще какой завистливый. Только не зарплатам! Секретаршу никогда не волнует, сколько получает шеф.

– Вот! – Слава сама осмелела от выпитого вина. – А у нас именно так. Каждый пытается понять, почему это директор

получает в два раза больше?! Чем он лучше?!

— Хм. — Майер даже снял очки, посмотрел на них изда-лека, достал чистый платок, аккуратно протер стекла и опять надел. — Как правило, у нас секретарши и директора живут параллельной жизнью. Им не интересно. Понимаете, Слава... — Майер очень красиво произносил ее имя, слегка картавя на букве «л», и получалось ласково и приятно. — У нас ведь каждый может стать директором. Пожалуйста. Кто тебе мешает? Иди, учись. Сначала в гимназии, потом в колледже, потом несколько ступеней в институте. Потом двигайся по служебной лестнице и обязательно рано или поздно получишь то, что хочешь. Только нужно долго и много учиться, работать, в чем-то себя ограничивать. Единицы вытягивают, а многие с удовольствием сразу после школы идут на какие-то курсы, и готово. Зарплаты неплохие, можно отдыхать не в пятизвездочном отеле в высокий сезон, а получить прекрасную скидку и поехать в отпуск, допустим, в октябре. И машину можно взять в кредит, тоже очень хорошую, и дом. Немцы умеют жить на разные бюджеты, они любят и уважают свое, они всегда довольны своей работой. А еще они умеют отдыхать!

Майер говорил и говорил и становился таким своим, таким родным.

— Я совершенно в этой жизни один, понимаете? Так случилось, и ничего уже не изменить.

— А как же ваша жена?

– И это сложно. Не хочется говорить, но сложно все.

И она ему тогда очень сильно поверила, и про жену, и про сложно. Глядела в его печальные глаза, и хотелось взять за руку и пожалеть, и рассказать про Саввочку и про то, что в ее жизни тоже все непросто. Встретились родственные души? Тогда она в это ох как поверила.

Глава

11

Утром Слава поняла, что не выспалась, ругала себя за то, что зачиталась чужой историей, что разрешила Рите разговаривать себя, а потом ее полночи не отпускала та, прошлая, история. Неправильно все это. Уже хотела вызвать такси, чтобы потом не добираться еще и на трамвае, но, побоявшись дорожных пробок, все-таки выбрала электричку. Можно еще немного вздремнуть в мягких велюровых креслах, собраться с мыслями.

Но мысли все равно возвращались в Ритино прошлое.

Значит, Рита и сама не уверена, было это в ее жизни или нет. Понятное дело, что было, вот ведь письма. Но странное дело: она ни разу не узнала ничего про этого Павла, никаких справок не навела. Пишет себе и пишет. Слава обязательно бы на ее месте проверила! Хотя... О чем это она сейчас говорит? Ведь Майер тоже ей рассказывал, что с женой их связывает только общий дом и больше ничего. И ведь она поверила сразу. И почему бабы такие дуры?

И Слава опять достала из сумочки письмо, которое все-таки захватила в дорогу, – какая плотная бумага, практически картон! – и тут же перенеслась в ту Ритину жизнь.

Завтрак в санатории «Восток» начинался с восьми тридцати.

Обязательный стакан сметаны, густой и свежей (поставь ложку, так и будет стоять), на выбор каша или пышный омлет. Каша каждый день чередовалась: рисовая, пшенная, гречневая, геркулесовая... Обязательная розеточка с двумя кусочками масла и блюдечко с нарезанной свежей колбасой и сыром. А еще геркулесовый отвар. Даже как-то стыдно его пить в присутствии кавалера, сразу ясно, что все здесь по болезни, хотя так и есть, действительно по болезни. Санаторий для больных с желудочно-кишечными проблемами.

Павел Терентьевич по привычке поднимался рано, надевал спортивный костюм и выбегал на улицу. Небольшая пробежка, зарядка на местном заброшенном стадионе с привычными подтягиваниями и отжиманиями. Павел Терентьевич относился к своему здоровью трепетно и педантично, как, впрочем, и ко всей своей жизни. Раз ему что-то дано, то это должно ему служить долго. Вот, к примеру, организм. Можно, конечно, и пить, и курить, только впечатлений от этого всего на час, а организму беды – на годы. Если положена диспансеризация, значит, нужно ее пройти. И анализы все сдать. Мало ли. И курорт раз в году, это обязательно. Организм – он та же самая машина. Нужно за ним ухаживать, поддержи-

вать в хорошей форме, иногда сдавать на профилактику (вот в этот самый курорт), а иногда и в ремонт не грех. И лучше, чтобы гарантийный – оно спокойнее и надежнее.

Особых процедур Павел Терентьевич брать не стал: его раздражали суетливые медсестры, которые так и норовят накаркать какую болезнь. Воздух же! Горы! Вода из источника! Что может быть лучше? Разве можно все это заменить какими-то сомнительными ваннами, грязями, электрофорезами и ингаляциями? Ну уж нет. Утренняя пробежка, плотный завтрак, потом двухчасовая прогулка. В зимнем саду санатория, перед обедом, Павел Терентьевич просматривал свежие газеты, после обеда отдыхал в номере.

К завтраку обычно, переодевшись в костюм, спускался ровно в восемь тридцать и был одним из первых. Ну раз написали, что во столько начинается, наверное, есть в этом какой-то смысл? Может, так полезнее для организма.

С шумом подкатывала свою двухэтажную тележку официантка. Сегодня это была Ирина, завтра – Оксана. Но как же эти женщины походили друг на друга! Естественно, похожими их делали бежевые форменные платья, белые передники и абсолютно одинаковые фигуры. Такой совершенный квадрат на тонких ножках в шлепанцах. Почему шлепанцы, каждый раз удивлялся Павел. Тележку женщины разворачивали с трудом, при этом каждый раз норовя потерять одну, еле держащуюся на ноге, тапочку. И походка в такой обуви шаркающая и неустойчивая, неужели им так удобнее? При-

чески у Ирины и Оксаны тоже были одинаковыми: мелкая завивка на коротких волосах, что делало отсутствие шеи еще более выразительным.

Официантка не ведала про мысли педантичного мужчины в пиджаке и обращалась к нему ласково и по-домашнему:

– Доброе утро! Кашку какую будете? Возьмите сегодня пшенную, во рту тает. Заказ на завтра сделали? Рыбку заказали? С пюре? Пюре возьмите! Сами делаем! Пушистое прямо!

Долгое время он сидел за столиком возле окна один и немного этим тяготился. Все-таки хотелось перекинуться с кем-то парой слов. И вот наконец появилась эта приятная женщина. Вот только все слова сразу куда-то делись. Как только она врывалась в столовую и подбегала к их столу, у Павла сразу же пропадал весь его литературный (к тому же профессиональный!) словарный запас. Женщина начинала буквально хватать куски со стола и быстро запихивать их в рот, можно было подумать, что за ней кто-то гонится. Павел удивлялся со своего места: тоже мне отдых, куда она все время несется? Что за спешка такая? Но познакомиться захотелось. Вот именно с этой женщиной. Почему-то Павлу показалось, что с ней интересно. И еще он понял: она совсем другая, из какого-то другого мира. И как это ни печально – уже из другого поколения.

– В фойе вывесили расписание экскурсий. Вы уже посмотрели?

Рита слегка поперхнулась бутербродом, удивленно подняла на Павла глаза. Потрясающая женщина, действительно приехала лечиться. Она даже в столовую заскакивает на пару минут. И быстро все съев, бежит стремглав дальше по своей программе.

– Да, видела. Очень понравилась, даже не ожидала такой разнообразной программы. Только где взять столько свободного времени? У меня же процедур куча! Каждый день расписан! Я бы в Железноводск съездила. Но там, по-моему, в среду. А в среду у меня массаж, пропускать не хочется. Я ведь первый раз на курорте. На работе отпустили с трудом. Значит, я должна не подвести, выполнить программу на все сто. Вы меня понимаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.